

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ ДНК
ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
АКАДЕМИКА М. Б. ПИОТРОВСКОГО:
«Я — АРАБИСТ»

THE DNA DOUBLE HELIX
OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM'S DIRECTOR,
MIKHAIL B. PIOTROVSKY:
'I AM AN ARABIST'

2026 **Михаил Борисович Пиотровский**

доктор исторических наук, академик РАН, Генеральный директор Государственного Эрмитажа, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), член Президиума Российской академии наук, Президент Союза музеев России, Санкт-Петербург, Россия

Mikhail B. Piotrovsky

Dr. Habil. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), General Director of the State Hermitage Museum, Dean of the Faculty of Oriental Studies at Saint Petersburg State University (SPbU), Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the Union of Museums of Russia, Saint Petersburg, Russia
directorate@hermitage.ru
ORCID ID: 0000-0001-7125-177X

Динара Викторовна Дубровская

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН; главный редактор журнала «Восточный курьер / Oriental Courier», Москва, Россия

Dinara V. Dubrovskaya

Dr. Habil. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Professor, Editor-in-Chief of the *Oriental Courier* Academic Journal, Moscow, Russia, head of the Art and Material Culture department
distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

Наталья Вячеславовна Сафонова

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН; зам. главного редактора журнала «Восточный курьер / Oriental Courier», Москва, Россия

Natalia V. Safonova

Ph.D. (History), research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the *Oriental Courier* Academic Journal Moscow, Russia
safonovanat@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3296-1362

В неформальном и искреннем интервью востоковеда востоковедам — редакции «Восточного курьера», приуроченном к выходу книги «Я — арабист» руководитель Государственного Эрмитажа и потомственный востоковед с мировым именем Михаил Борисович Пиотровский рассказывает об уникальной цементирующей роли востоковедения в современном мире, описывает, как на глазах эволюционирует восприятие Востоком своей истории, рассуждает о цикличности геополитики и вспоминает, как основополагающая комплексная востоковедческая экспедиция на острове Сокотре (Йемен) воссоединила петербургскую и московскую школы¹.

Ключевые слова: М. Б. Пиотровский, Государственный Эрмитаж, интервью, устная история, история востоковедения, личная история, Институт востоковедения РАН, В. В. Наумкин, Сокотра, Йемен, сабеистика

Для цитирования: Пиотровский М. Б., Дубровская Д. В., Сафонова Н. В. Двойная спираль ДНК генерального директора Государственного Эрмитажа академика М. Б. Пиотровского: «Я — арабист». Восточный курьер / *Oriental Courier*. 2026. № 2. С. 13–31. DOI: 10.18254/S268684310038615-4

In this informal and candid interview of an Orientalist to Orientalists—the editors of the *Oriental Courier* journal, timed to coincide with the release of his book ‘I Am an Arabist,’ Mikhail Borisovich

Piotrovsky, director of the State Hermitage Museum and a hereditary orientalist of world renown, discusses the unique, unifying role of Oriental studies in the modern world, describes how the East's perception of its history is evolving before our eyes, discusses the cyclical nature of geopolitics, and recalls how a fundamental, comprehensive oriental studies expedition to Socotra Island (Yemen) reunited the St. Petersburg and Moscow academic schools.

Keywords: Mikhail B. Piotrovsky, State Hermitage Museum, interview, oral history, history of Oriental studies, personal history, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Vitaly V. Naumkin, Socotra, Yemen, Sabaean studies

For citation: Piotrovsky Mikhail B., Dubrovskaya Dinara V., Safonova Natalia V. The DNA Double Helix of the State Hermitage Museum's Director, Mikhail B. Piotrovsky: 'I Am an Arabist'. *Oriental Courier*. 2026. No. 2. Pp. 13–31. DOI: 10.18254/S268684310038615-4

ХОЛОДНЫЙ ЗАХОД: ОБ ЭЛЕГАНТНОМ КАШНЕ МБП

— ДД: Уважаемый Михаил Борисович, большое спасибо за уникальную возможность поговорить с вами! Хотелось бы, однако, начать с неочевидного: когда вы любезно пригласили нас посмотреть текущие выставки Эрмитажа, мы обратили внимание на зрителей и обнаружили на их одеянии прекрасные шарфики. Я не удержалась и спросила одну из них: «Это цитата из стиля Михаила Борисовича?»

— МП: Да, конечно.

— ДД: Но это же великолепно!

— МП: Это большая проблема.

— ДД: Почему?

— МП: Как вообще должны быть одеты зрители? Во многих европейских музеях они одеты в суровые, почти военные формы. Иногда в наших музеях зрители тоже облечены в форму, но более женственную. Кому-то кажется, что форма — это хорошо, а вот по-моему — не очень. С другой стороны, когда сотрудники одеты разномастно, это тоже неуместно.

В какой-то период мы стали об думать о проблеме внешнего вида зрителей залов, пото-

му что они просто носили на работу одежду по своему выбору, и мы со службой безопасности начали с того, что сделали для всех сотрудников беджи (и для службы безопасности в том числе), кстати, разорив тем самым Метрополитен²... К нам приезжал начальник службы безопасности Метрополитена, посмотрел на наши беджи (а они уже были и в компьютерной базе), понял, что у них такого нет, и, вернувшись, потребовал у Монтебелло³ сделать такие же.

— ДД: Вот это преемственность!

— МП: Это случилось примерно в 90-е годы. Филипп [Монтебелло] мне потом заявил: «Вот, из-за тебя я понес большой расход». После беджей мы стали думать, что делать со службой безопасности, и придумали им в придачу к обычным костюмам металлические бляхи. А потом уже всерьез взялись за зрителей и сначала заказали им зеленые жилетки с гербом Эрмитажа (эрмитажные цвета, цвета министерского двора — зеленый с золотом).

Но как-то так получалось, что жилетки быстро менялись — да и люди меняются — и в результате половина сотрудников осталась в жилетах, а половина — без. А так как за это время с шарфами я всем надоед, мы решили сделать легкие

1 Редакция благодарит лаборанта-исследователя ИВ РАН М. М. Бочкова и преподавателя МГИМО(У) С. В. Михайлова за помощь в расшифровке и редактировании интервью. Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат редакции «ВК». — *Ред.*

2 The Metropolitan Museum of Art — один из важнейших мировых музеев изящных искусств, находится в Нью-Йорке.

3 Филипп де Монтебелло (Philippe de Montebello) — французский и американский историк искусства, директор Метрополитен-музея (1977–2008).

Ил. 1. Элегантные жилеты с гербом ГЭ и зеленые шарфики в стиле М. Б. Пиотровского на зрителях Гос. Эрмитажа

По: Пресс-служба Гос. Эрмитажа. Зрителям Государственного Эрмитажа выдали новую форму
News mail.ru. 21.06.25

Fig 1. Elegant vests with the Hermitage coat of arms and green scarves in the style of Mikhail B. Piotrovsky are worn by the caretakers of the State Hermitage Museum

Source: PR, the State Hermitage Museum. The caretakers of the State Hermitage Museum have been issued new uniforms. *News mail.ru*. June 21, 2025. <https://news.mail.ru/society/67534148/>

кашне, и вот они прижились. Недавно мы сделали еще серые жилетки, но они пока не очень приживаются.

Так что это целая специальная политика — попытка создать музейную атмосферу, не полицейскую и не дворцовую, потому что Эрмитаж, конечно, дворец, но вы уже не во дворце. Во дворце все было бы по-другому: внушительно ходили и стояли бы по стойке смирно дворцовые гренадеры. И, по-моему, у нас неплохо получилось, потому что и шарфы, и эти серые жилетки...

— ДД: ...узнаваемы (Ил. 1).

— М. П.: Да. Спасибо, что обратили на это внимание. Это очень важный момент. До какой степени в музее должно быть уютно? Должно быть, конечно, но не слишком — мы же не дома, в тапочках нельзя ходить.

— Д. Д.: Безусловно. Позвольте еще одно личное замечание: вы пишете в книге «Мой Эрмитаж» [Пиотровский, 2023], что Эрмитаж принадлежит всем. Но есть и люди, которые принадлежат всем, — у всех нас есть ощущение, что вы «наш». А вы чувствуете такое отношение? Это должно быть ужасно тяжело.

— М. П.: По психологии я человек не публичный, а по работе публичный. С утра до вечера на публике, с утра до вечера говорю. Этому я научился еще студентом — все, что говоришь, кто-нибудь записывает. Но при этом внутри мне не очень комфортно... Не то чтобы я был необщительным, но я довольно закрытый человек. Поэтому дети и жена иногда обижаются, что я прихожу с работы и мало говорю. Просто когда я прихожу домой, говорить мне уже не очень

Ил. 2. Некоторые книги М. Б. Пиотровского из коллекции интервьюеров
Fig. 2. Some books by Mikhail B. Piotrovsky from the interviewers' collection

хочется. Так что, конечно, по должности я принадлежу всем, так же как и весь Эрмитаж, который принадлежит всем, но каждый получает его в меру собственной испорченности, воспитания, образования. Целый Эрмитаж не получает никто.

— Д. Д.: Да, это неизбежно.

— М. П.: Очевидная система такого музея. Эрмитаж не совсем музей, он одновременно демократичный и аристократичный, всякий может в него прийти, но всякого же он и ставит на место. Это музей, рожденный как императорский.

О МУЗЕЙНЫХ КНИГАХ

— Д. Д.: Встреча с Пиотровским — это, что называется, *chance of a lifetime*, хочется до бесконечности задавать вопросы, и, конечно, первая ассоциация с вами и для меня и для большинства людей — это Эрмитаж. Но вы востоковед, и я — тоже будучи востоковедом — горжусь этой вашей ипостасью. В книге вы потрясюще сформулировали, что ваша эрмитажная и востоковедная деятельность — словно двойная спираль

ДНК. Расскажите, пожалуйста, как вам удастся все сочетать — я вот не понимаю, к примеру, как вы находите время, чтобы писать книги?

— М. П.: Это тоже часть работы. Книга «Я — арабист» [Пиотровский, 2026] родилась из того, что мы писали вместе с Джеральдин Норман (1940 г. р. — *Ред.*) — из работы на английском «Культура как скандал. Из истории Эрмитажа» [Пиотровский, 2024].

Это и история замечательная, и книга. Мы писали ее, исходя из того, что люди понимают музеи — да и вообще все сущее — только через скандалы. Вот и мы решили написать историю музея через скандалы. Сначала сочиняла и редактировала Джеральдин, а потом я прочел написанное и сказал ей: «Знаешь, ты несешь столько английской чуши, что мне придется отвечать». Не потому что неправильно, а потому что она англичанка, — англичане всегда говорят предвзятости. Тогда она сделала встречное предложение: «Ну, давай будет твой текст и мой текст, а потом сложим их вместе».

Так мы и сделали, даже разным шрифтом, и получилось хорошо. Книга была уже сверстана,

Ил. 3. М. Б. Пиотровский дает интервью редакции «ВК»

Фото © Н. Сафонова, 2026

Fig. 3. Mikhail B. Piotrovsky during his interview with the OC editor

Photo © N. Safonova, 2026

цена определена, и, когда она была готова к продаже, случился февраль 2022 года. Англичане сказали — книжку печатать не будем, а я почувствовал себя диссидентом. Тираж рассыпали, в Англии издавать не стали, но мы издали ее по-русски [Пиотровский, Норман, 2024].

Еще когда мы писали эту книгу, Джеральдин (очень хороший, дотошный журналист) сказала: «Тебе бы надо что-то такое написать про то, кто ты вообще есть. А то мы тут все про скандалы, и непонятно, как будто ты в жизни только этими скандалами и занимаешься. А что такое директор Эрмитажа? Тем более ты же должен быть ученым. Ну и напиши!». Я что-то в этом роде стал писать, послал ей, она перевела все на английский... Тут уже наступил 2023 год, на Западе печатать никто не хотел, фамилия моя стала *non grata*, но книгу получилось напечатать по-русски (Ил. 2).

— Д. Д.: И правда поразительная история! А если вернуться к процессу, то получается, что после рабочего дня вы пришли домой, поужина-

ли, сели за компьютер и стали писать?

— М. П.: Нет, всегда по-разному. Я иногда пишу утром — это у меня время писания. Я стараюсь утром ни с кем особо не общаться, пишу срочные бумаги, звоню по телефону. А так пишу когда днем, когда вечером, по-разному. Лучше всего в субботу или воскресенье.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА О ЧУЖОМ

— Д. Д.: Готовясь к нашему интервью, я перечитала ваши книги, в числе прочих — ваши профессиональные работы по арабистике. Расскажите о них чуть подробнее, пожалуйста — ведь арабистика была раньше, чем Эрмитаж?

— М. П.: Да, раньше. Почему я имею право быть директором? Потому что к моменту назначения директором Эрмитажа я уже был известным арабистом, руководил экспедициями за границей и был ученым с именем, со всеми титулами — кроме академика, конечно. Но глав-

ное, что я продолжаю быть арабистом именно в *нашем* понимании (Ил. 3).

Так выглядит двойная спираль: теоретик, академический исследователь и практик. Востоковедение — наука, призванная лежать в основе музейной деятельности. Почему в XX веке почти все директора Эрмитажа были востоковедами: Иосиф Абгарович [Орбели]⁴, Борис Борисович [Пиотровский]⁵? Потому что востоковедение — это наука о чужом; наш музей — великий, энциклопедический — построен как диалог с *иным*, а диалог культуры — это именно наша профессия, востоковедная.

Востоковедение занимается тем, как изучать чужого, это действительно целая наука: не просто изучать других, но изучать других через себя, а себя — через других. Это для меня очень важно: деканам восточного факультета и ректорам ИСАА регулярно приходится отстаивать право востоковедения признаваться наукой, чтобы оно сохранялось как таковое, не превращаясь в конфликтологию, политологию, регионоведение. Я лично защищал это право, даже Президента пришлось подключить лет десять назад, когда специальность «востоковедение» выкинули и включили в качестве малого подразделения в политологию. Тогда мы это все вернули обратно.

Некоторые наши крупные люди (дипломаты по образованию) иногда считают, что востоковедение — это «вы вот мне переведите материалы, а мы, политики, разберемся». Это неправильно; не разберутся: именно знание стран, того, чем мы занимаемся и как мы этим занимаемся, особенно для арабистов, дает возможность понимать, что делать. Я считаю, что мы все, арабисты, — большие эксперты. Слава богу, в арабских странах дипломаты тоже все арабисты.

СОКОТРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: О МИССИИ, ПЕРЕЖИВШЕЙ КРАХ ИМПЕРИИ

— ДД: Буквально вчера (18.03.2026) в ИВ РАН прошла встреча, посвященная Сокотрийской экспедиции. Не могли бы вы немного рассказать о преемственности вашей экспедиции СОЙКЭ⁶ и экспедиции Виталия Вячеславовича Наумкина⁷?

— МП: Эта экспедиция [СОЙКЭ] была совершенно удивительной. Я как раз вчера представлял книгу в Москве, и меня спрашивали, такое ли новейшее востоковедение хорошее и крутое, как советское. Да, такое же, абсолютно крутое. Скоро мы будем праздновать юбилей Сокотрийской экспедиции. Йеменская экспедиция готовилась долго, но родилась именно как *востоковедная* экспедиция. В советское время вообще трудно было организовывать экспедиции, и те, разрешения на которые выдавались, — египетская, сирийская, иракская — были именно археологическими. Такой стандарт — все ездят копать. Известная система, сложная, там деньги платить нужно...

Мы же предложили свою [идею], и она долго готовилась. Родилась эта идея из практических дел, из книги Грязневича⁸, из того, что все мы, включая Виталия⁹, в Йемене работали еще за долгое время до этого. Поэтому мы задумали сделать экспедицию востоковедную: у нас были и археологи из двух институтов, и антропологи, измерявшие черепа, и лингвисты, занимавшиеся диалектами, и социологи, проводившие опросы, — в общем, все на свете. Я там ходил пешком по дорогам, срисовывал надписи.

Среди прочего обязательной частью нашей экспедиции были поездки на Сокотру. Виталий

4 Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) — востоковед, директор Государственного Эрмитажа (1934–1951).

5 Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) — археолог, директор Государственного Эрмитажа (1964–1990).

6 Советско-йеменская комплексная экспедиция.

7 Виталий Вячеславович Наумкин (1945) — советский и российский историк-востоковед, исламовед, политолог, доктор исторических наук, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН.

8 Петр Афанасьевич Грязневич (1929–1997) — советский арабист, источниковед.

9 Здесь и далее имеется в виду коллега-арабист и соученик интервьюируемого по ИСАА Виталий Вячеславович Наумкин.

до этого однажды уже ездил на Сокотру, выучил там язык и начал писать о ней книгу. Поехав в нашу экспедицию, он провел там несколько сезонов, очень многое описал и сделал великую вещь — не стал заниматься языком в одиночку, а привлек профессиональных лингвистов. В результате работы появилась блестящая, совершенно уникальная книга¹⁰. Ведь тогда на Сокотру поехать никто не мог, это теперь туда даже туристы ездят, а в то время это было открытием: до этого только в XIX веке записывали язык, а потом никто этим не занимался. Поэтому получился такой замечательный кусок очень важного знания, и издавался он в Brill¹¹ — это одно из детищ, порожденных нашей экспедицией.

В Хадрамауте тоже шла работа, я там болтался по деревням, археологи копали в трех местах, социологи работали, антропологи сидели, им приносили мерить черепа. Виталий тоже приезжал, но он в основном ездил на Сокотру и обратно, это была часть экспедиции — разные отряды¹².

Востоковедение — наука многоплановая, мозаичная, и наша экспедиция была тому примером: востоковеды занимаются всем на свете. Виталий Вячеславович, например, занят и политикой, и арабским языком, и Сокотрой... Такова традиция востоковедения. Это ведь очень древняя дисциплина, происходящая из древних энциклопедических наук, — востоковед, арабист должен был знать все. Сейчас мы знаем меньше языков, но все равно занимаемся всем — и политикой, и политологией, и филологией (в основе обязательно должны лежать филология и история), и всем остальным вместе. Поэтому эта древняя наука оказывается сейчас дико современной — потому что это наука на стыке наук. Арабист, востоковед обязательно должен быть и филологом, и историком, обязательно

должен понимать современность, потому что мы все время с чем-то таким работаем: если не воюем, то везде находимся рядом. Прелесть этой экспедиции и была в том, что она отражала, что такое наука востоковедение на самом деле — и таких экспедиций на обозримом нашем Ближнем Востоке больше нет.

— Д. Д.: Это не похоже на то, что Борис Борисович [Пиотровский] делал в Армении?

— М. П.: Нет, у Бориса Борисовича была археологическая экспедиция, он изучал конкретно древний Урарту.

— Д. Д.: То есть это именно ваше ноу-хау, вот эта комплексная экспедиция?

— М. П.: Да, это было ноу-хау, именно потому что это была востоковедная экспедиция. Борис Борисович, понятно, востоковед, но он стал археологом, приехал копать Урарту, на основе археологии восстанавливал древнюю историю, и у него в экспедиции не было людей, занимающихся армянскими диалектами, а у нас были: у нас копали древние памятники, тут же собирали рукописи, тут же изучали древние арабские надписи, тут же Саша Кныш¹³ изучал суфизм, и все это было вместе. Таких экспедиций вообще почти не было. Она была по внешнему виду абсолютно шпионская.

— ДД: А как у вас родилась идея такого десанта?

— М. П.: Думаю, это получилось, потому что было очень много народа, которые хотели экспедицию и подготовили ее самим своим опытом. Я упоминал, что все мы в Йемене были еще до этого: так, мы с Виталием работали и как ученые, и в партийной школе преподавали; Петр Афанасьевич Грязневич написал замечательную книгу «В поисках затерянных городов» [Грязневич, 1978] и привез много материалов... Вообще было много людей, которых хотелось привлечь,

10 Речь идет о [Corpus of Soqotri Oral Literature, 2014].

11 Brill Academic Publishers (Koninklijke Brill NV) — научное издательство, специализирующееся, в частности, на издании книг о Востоке, одно из старейших в Нидерландах (основано в 1683 г.).

12 См. об этом в [Институт востоковедения РАН... 2018], с. 212–223.

13 Александр Дмитриевич Кныш (1957 г. р.) — российский исламовед, специалист по исламскому мистицизму, суфизму.

например, специалистов по древним надписям, работавших в Эрмитаже, в Институте востоковедения. Ну, и по сути рождалась эта идея в Институте востоковедения, рождалась она у нас в Санкт-Петербурге вместе с Москвой, и как-то было естественно, что экспедиция должна стать вот такой комплексной. Она так и называлась — «Советско-йеменская комплексная экспедиция».

— Д. Д.: Мне кажется, еще была схожая экспедиция Литвинского¹⁴, тоже комплексная, ЮТАКЭ¹⁵.

— МП: У Литвинского была больше археология. Возможно, там тоже были исследования в комплексе, этнография, но столь всеобъемлюще востоковедной экспедицией была лишь наша. И именно поэтому она гарантировала большое количество результатов. Ведь археологу должно сопутствовать везение, нужно найти что-то необыкновенное, в этом тоже была логика...

Я был воспитан на примере папиного Кармир-блур¹⁶ и не стал просто археологом, потому что знал: такое, как у Бориса Борисовича, не повторится никогда. Каждый день просто потоп находок! Таких экспедиций больше не бывало. Ведь в экспедиции ты можешь не найти ничего необыкновенного, а от тебя будут ждать результатов — даже в Йемене, где куда ни ткнешь пальцем, найдешь редкость (в отличие от Египта, скажем, где что бы ты ни нашел, такое уже находили). В результате приходится опираться на опыт: вот тебе древние надписи, вот тебе три золотые сережки, вот рассказ о царице Савской,

вот язык, а вот тебе современная история про народно-демократический фронт.

И тогда это все для отчетности, для публики, для начальства складывается в целую энциклопедию. Вот так мы и поехали делать свое дело. И отлично, что это делалось с Институтотом востоковедения, потому что все археологические экспедиции работали в Египте, и сирийская, иракская экспедиции потом тоже были археологические.

Я всегда переживал, критиковал и ворчал: едут люди в Ирак, а копают там третье тысячелетие, которое, конечно, интересно, но это же не то, рядом должна быть клинопись! — а клинописи у этих исследователей нет, и не потому что они ее не нашли, а потому что они ее читать не хотят... Или Сирия, копают там 4-е или 3-е тысячелетие, начало цивилизации — конечно, очень интересно, но ведь Сирия — это страна великих культур, просто более поздних, великая арабская страна, это тоже надо изучать!

И вот мы сделали то, что сделали, и получилось очень здорово в том числе за счет того, что экспедиция выпала на удачный период: чуть позже Йемен снова закрылся.

О том, как учить людей любить свою историю и не бояться друг друга

— Д. Д.: Михаил Борисович, знаю, что вы преподавали историю древнего Йемена. Вы прямо по-арабски читали лекции?

— М. П.: Да, я преподавал историю Йемена — древнего Йемена — и преподавал не про-

14 Борис Анатольевич Литвинский (1923–2010) — советский археолог, академик, основатель археологической науки в Таджикистане, руководитель отдела Древнего Востока ИВ АН СССР, в 1950–1990 гг. руководил масштабными экспедициями.

15 Комплексная археологическая экспедиция Южного Туркменистана (South Turkmenistan Complex Archeological Expedition; STACE), или Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) от АН Туркменистана. Первоначально организована востоковедом Михаилом Евгеньевичем Массоном в 1946 г., после получила продолжение в ИВ АН СССР. Через ЮТАКЭ прошел ряд выдающихся ученых, в числе которых нынешний генеральный директор Государственного музея Востока д. и. н. А. В. Седов [Седов, Стародубцева, 2021], участвовавший и в СОЙКЭ.

16 Кармир-блур — уникальный памятник, относящийся к урартской культуре, располагается в западной части Еревана, столицы Армении, на левом берегу р. Раздан. На памятнике работала экспедиция Эрмитажа, возглавлявшаяся Б. Б. Пиотровским. См.: [Пиотровский, 2026, с. 7–29].

сто так, ведь изучал ее и приехал туда, я уже будучи одним из главных мировых специалистов по истории Йемена (сабеистом), у которого уже вышли известные печатные труды. Почти все главные специалисты находились за пределами Йемена, потому что в течение многих лет для арабов вся древняя история Аравии была связана с язычеством и не воспринималась как что-то, что нужно серьезно изучать. Иногда эти сюжеты встречались, так как существовали в разных легендах (им я посвятил свою первую книгу [Пиотровский, 1977]), но никакого специального научного изучения ни на Западе, ни в Египте не существовало: считалось, что все это не нужно. На тот момент люди еще только-только начинали воспринимать доисламскую историю как важную не только для туристов, но и для себя. В какой-то мере это произошло еще и благодаря тому, что в тот период много занимались объединением Йемена, юга и севера, и очень важна была идеология единой страны — а получалось, что в древности она была единой. Так что сошлись несколько факторов.

Я привожу иногда в пример похожую историю: в Эр-Риядском музее есть древняя статуя, изумительная громадная фигура, и саудовцы ее некогда с удовольствием отдали в Метрополитен на несколько лет, потому что у них была такая позиция — язычество не выставляем, оно нам не нужно. А в Метрополитене ответили: «Что же, молодцы, а мы выставляем». Потом срок истек, саудовцы забрали статую обратно и теперь сами ее экспонируют, потому что уже поняли ценность этой скульптуры, начали гордиться своей древней историей. Это всюду бывает, и у нас точно так же; так же было и в Йемене — древность стала интересной и важной. Поэтому — да, я учил йеменцев их собственной истории. Причем это была школа общественных наук, я учил всех руководителей южно-йеменской истории.

— Д. Д.: Читая вашу книгу и слушая рассказ, преисполняешься восхищением от того, что вы сумели и успели сделать, и не понимаешь, когда это все у вас получилось — просто потрясюще!

— М. П.: Конечно, получилось красиво, но у нас у всех такие биографии.

— Д. Д.: Не сказала бы, что у всех: я вот раньше не знала, что вы лично пешком это все прошли, прощупали, что читали эти надписи, пробирались по этим поразительным навесным конструкциям в скалах, рискуя жизнью. Поневоле думаешь: «Боже мой, а если бы Михаил Борисович там упал?!»...

Я китаист, и только читая вашу книгу, впервые, кажется, поняла увлеченных арабистов — почувствовала поэтику, красоту, загадку, осознала кладезь бесконечных открытий. Но для меня как китаиста эта культура еще и достаточно поздняя, поэтому задам вопрос, возможно, не вполне политкорректный...

Мы, находясь в некоем научном пузыре, конечно же, знаем про достижения исламского мира, про его рукописи, художественные традиции, красоту. Но в обществе в целом отношение к исламу довольно настороженное. Как вы внутри себя к этой настороженности относитесь? Приходится ли вам кому-то объяснять ценности этой культуры, видите ли вы здесь какое-то противоречие?

— М. П.: Конечно, приходится, и, собственно, в какой-то мере моя книга как раз об этом. Она завершается словами «иншалла», а *иншалла* — это важный термин: сейчас-то все его уже знают, а тридцать лет тому назад о том, что такое «иншалла», знали только те, кто с этим встречался, кто бывал в Средней Азии, на Востоке. Просто закончить русский текст словами «иншалла» было невозможно — никто не поймет.

Существует книга с названием «Иншалла», ее написала Ориана Фаллачи (1929–2006 гг.), знаменитая итальянская журналистка, а посвящена книга палестинцам в Ливане [Fallaci, 1992]. Видимо, когда она ее писала, что-то случилось, и после этой книги она стала знаменитой исламофобкой: у нее десятки жутко антиарабских публикаций. Все они вышли после 11 сентября, я думаю, ее где-то обидели. И это целая история, когда то, что сначала было просто экзотикой, потом становится реальностью, и эта реальность

в разных видах — и во время антиколониальной борьбы, и из-за миграции, и в связи с событиями вроде 11 сентября — охватывает весь западный мир. Появляется исламофобия, а параллельно существует наука, и существует она посередине.

Отсюда и общественная задача наша, востоковедов, — объяснять, что все религии равны. Примерно таков наш научный подход: все могут и должны быть в диалоге, а мы должны объяснять, как этот диалог должен выглядеть. В книге у меня тоже об этом, песня про то, что все священные книги содержат тысячу противоречий, и в любом тексте ты можешь найти и человеконенавистническое, и любовь к человеку — надергать можно всегда все что угодно. А наше дело — объяснить, что все это должно быть вместе, потому что люди должны быть вместе, разные эпохи должны ценить друг друга, мусульмане должны ценить свою древнюю историю, не подражать суфиям, которые отбивали носы сфинксам. Ценить историю, а не только продавать ее кусочки туристам.

Точно так же мы дружим с мусульманами: к примеру, у нас в Петербургском университете сделали прекрасную программу совместного светского и религиозного образования. Но тут тоже надо быть осторожным: чтобы объяснить что-то тем, кто не любит ислам, ты должен уметь не задевать их чувства; с другой стороны, и мусульмане весьма ранимы, и их тоже нужно не задеть.

Попробуй объясни, например, почему не надо изображать Пророка. А почему не надо? Одним не надо, а другим надо. В какой степени можно, в какой степени нельзя? Это целая сложная история, в которой тоже приходится участвовать. Я читал довольно много лекций до Эрмитажа и в Эрмитаже, веду курсы исламского искусства, и книги писал по исламскому искусству¹⁷ — одновременно и исследования, и попытки выстроить диалог. Для этого и нужно, чтобы в музее работали ученые: ученый может стать менеджером, но менеджер не сможет стать ученым.

— Д. Д.: Эта просветительская роль не утомительна для вас, нет элемента раздражения?

— М. П.: Нет, это интересно. Во-первых, я в целом уверен в том, что прав и говорю правильные вещи. Во-вторых, это интересно и составляет суть работы, а не в том, сколько билетов продали или что там министерство думает о том, как отремонтировали полы. Подобными вопросами я тоже занимаюсь с утра до вечера, так что это скорее отдушина. Миссия музея высокая, и она позволяет жить спокойнее в условиях, когда вокруг множество проблем. Во-первых, проблемы музейные — это проблемы хозяйственные, денежные. Во-вторых, это бесконечные скандалы и жалобы, а в-третьих — постоянные рейдерские наезды. Я насчитал за время своей работы примерно пять или шесть серьезных рейдерских наездов — и с клеветой, и с кражами.

— Д. Д.: Как вы это выдерживаете?

— М. П.: Ну, ничего, это жизнь такая интересная.

О СИЛЕ ДУХА И ЦИКЛИЧНОСТИ ПЕРЕМЕН

— Д. Д.: Можно ли сказать, что вы психологически устойчивый человек? Несмотря на то что вы пережили, вы никогда не теряете достоинства и спокойствия.

— М. П.: Трудно зарекаться, конечно, но я сношу все более-менее спокойно, потому что знаю, что все правильно. А второе, наверное, — это действительно психологическая устойчивость: я никогда не переживаю, если у меня что-нибудь не так. Скажем, я с раннего детства ношу очки, и дети надо мной по этому поводу всегда издевались, но ничего, это не вызывало у меня никаких переживаний, ко всему привыкаем. Так и с более серьезными проблемами тоже — ну, есть они и есть.

— Д. Д.: До ковида представители обеих сторон съездили и сходили на прекрасную выставку «Я воздвиг там мой царский дворец...» [Откры-

¹⁷ См., например: [Пиотровский, 2002; 2022].

тие выставки... 2019], которую привозили в Эрмитаж из Британского музея. Эта дорожка теперь закрыта, ничего подобного мы не увидим?

— М. П.: Она была и раньше закрыта. Кстати, в прекрасные времена, когда мы ездили в йеменскую экспедицию, американцам был закрыт весь Ближний Восток, они вообще не могли приехать, и в Йемен (не только южный), им было нельзя. Мир таков всегда. Я вырос в Советском Союзе, где ты всегда знал, что тебя постоянно слушают, следят за тем, что ты говоришь, а ехать за границу в арабский мир было особенно трудно. То ли поедешь, то ли не поедешь — каждый раз надо было оформляться, и сколько раз случались неудачи и отказы... Все такое зыбкое! Открывается — закрывается, закрывается — открывается. Подождем — посмотрим.

Тем более, сейчас нам служат все новейшие средства коммуникации, и мы знаем все, что там делается. Не то чтобы мы не ездили в Британский музей — нет, люди ездят: кто в отпуск, кто по работе. Да, в целом реже общаемся, но и к нам иногда приезжают. Может, несколько меньше, чем в советское время, но некоторое время друг от друга отдохнуть не страшно, вполне можно себе позволить.

Выставки действительно не ездят, но выставкам вообще пока хватит кататься: мир сейчас очень опасный, и существует правильный государственный мораторий. Наложено официальный запрет: не общаются музеи, директора, — на Западе это сейчас запрещено. Главное, что работают вот эти небесные коммуникации, мы знаем все, что происходит, и от коллег не отделены. Плюс помогает Восток.

Допустим, с Европой мы никаких дел не имеем, но они-то все имеют дело с Востоком, так же как и мы, и все наши европейские и американские коллеги толкуются на том же Востоке. В Китае и на Ближнем Востоке полно европейских музеев и университетов, поэтому мы с ними там встречаемся, как встречались и рань-

ше. Все это мы уже проходили. Иногда надо сосредоточиться на себе, это тоже важно.

О ЯЗЫКЕ И КУХНЕ

— Н. С.: Вопрос по книге «Я — арабист» [Пиотровский, 2026] по поводу любви к арабскому языку и арабской кухне (Ил. 4). Есть ли у вас такое полное погружение не только в языковую, но и в бытовую культуру?

— М. П.: К арабской кухне я спокойно-равнодушен: то, что называют арабской кухней, — это кухня турецкая, только грубее. Когда на раскаленные камни печи кидают только что зарезанного барашка — вот это вкусно. А в целом к еде я отношусь спокойно: люблю, но никаких особых предпочтений нет.

Язык — это дело другое, язык безумно красивый. То, что очень важно для арабской культуры, и то, что арабская культура подарила Европе эпохи Возрождения, — сочетание математичности и роскоши. Этот язык очень четкий, математичный, как будто искусственный интеллект, но при этом роскошный — произношением, количеством вариантов разных образов... Это богатый язык, не простой и четкий, как английский. Тем более на нем написан еще и Коран, читать который одно наслаждение¹⁸.

— Д. Д.: Как же простым кочевникам удалось породить такой язык?

— М. П.: Кочевник — это непростая вещь. Во-первых, эти кочевники жили среди древних цивилизаций, ведь сам Йемен — это древняя цивилизация с громадными храмами, с огромной образованностью, с умением читать, писать. Во-вторых, кочевник просто скромно в быту, но он очень много знает, перемещается по огромной территории, общается с разными людьми, путешествует. Кочевники бывали и в Сирии, и в Йемене, и в Месопотамии, — они видели весь тогдашний мир.

Это средний египтянин ничего не видел, кроме своего Египта, а средний арабский кочевник

18 См.: [Пиотровский, 1991; 2005; 2026].

Ил. 4. М. Б. Пиотровский и члены редакции «Восточного курьера» (Д. В. Дубровская и Н. В. Сафонова)
Фото © М. Боровская, 2026

Fig. 4. M. B. Piotrovsky and members of the editorial board of “The Eastern Courier”
(Dinara V. Dubrovskaya and Nataliya V. Safonova)
Photo © Maria Borovskaya, 2026

бывал в Хире¹⁹, в Ктесифоне²⁰; если далеко заберется, то в Дамаске, в Йемене, в центральной Аравии, и там было что посмотреть. У меня как раз есть работа [Пиотровский, 1985; Южная Аравия, 1994], общая тема которой — арабийские корни ислама. Ислам во многом родился из арабийского опыта, из арабийских условий.

— Д. Д.: Вы упомянули помимо математичности еще и роскошество, это тоже результат некой насмотренности?

— М. П.: Они умели ценить роскошь. Вот это «роскошество» начало формироваться, уже когда они осели и начали понимать прелесть простоты. Если ты всегда скромно одет и вдруг

надеваешь что-то необыкновенное, то ценишь это больше, чем тот, кто всегда роскошно одет. Потом, конечно, все усложнилось, ведь исламская средневековая цивилизация была математична и экономична. Это были торговцы, люди, придумавшие чеки, далеко путешествующие, и их реалии были несравнимы со средневековым Западом, где всего этого не было. Потому-то именно экономическую составляющую Запад и воспринял: в период итальянского Ренессанса тоже появились торговцы, и торговцы с обеих сторон прекрасно понимали друг друга. Они тяготели к роскоши, а Восток роскошен, он, как и средневековая Европа, был спиритуалистичным, религиозным; но люди были с одной

19 Хира (al-Ḥīrah) — древний, не существующий ныне город, находившийся к югу от современного города Эль-Куфа в Ираке.

20 Ктесифон (Κτησιφὼν) — один из крупнейших городов поздней античности, располагался примерно в 32 км от современного Багдада ниже по течению Тигра.

стороны склонны к религиозному фанатизму, а с другой любили и ценили роскошь.

В конце средневековья, когда исламская цивилизация постепенно затухала, а Европа начинала расцветать, и когда арабы передали Европе греческую культуру, философию, обе стороны уже прекрасно воспринимали роскошь, и европейцы тоже захотели ею обладать. Они приезжали на Восток, видели Дамаск, Каир, Самарканд, — все эти города Средней Азии — и, возвращаясь в Европу, старались воспроизвести что-то подобное. К примеру, Венеция — весь город — это архитектура воспоминаний: люди увидели Восток и захотели сделать что-то похожее. Не копию, но нечто, вдохновленное Востоком. Старались сделать что-то похожее на Алеппо, на Дамаск. Это вполне прослеживается, даже у нас есть такая архитектура. К примеру, баня в Царском Селе — абсолютная копия мечети в Адрианополе. Звучит как бред, возможно, — «баня в виде мечети», но идея такая: люди ходили в походы, видели богатые грандиозные города и, возвращаясь, хотели сделать у себя нечто похожее²¹. Поэтому и в Европе есть здания — смотришь, а как будто там Мамлюкский мавзолей!.. На самом деле они воспринимали «роскошь» как характерный признак мусульманской культуры — материалистичный, в хорошем смысле, и математичный.

— Д. Д.: Спасибо, Михаил Борисович! Очень интересно как будто заново открывать для себя такие вещи. У Китая-то с кочевниками совершенно другая история...

— МП: Да, целая маньчжурская династия. Только вот кочевники, которые пришли в Китай, стали китайцами. Это все оптика.

— ДД: Маньчжуры оказались гораздо более открыты к новому, чем китайцы: сначала они восприняли Китай, а потом и Западом заинтересовались...

О СОВРЕМЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ ВОСПРИЯТИЯ АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА

— Д. Д.: Михаил Борисович, вопрос от Дмитрия Михайловича Бондаренко²²: как вам видится развитие эрмитажной африканской коллекции?

— М.П.: Мы относительно недавно стали заниматься африканским искусством. Африканисты нам что-то передавали, наказывая: «Надо заниматься африканским искусством...», а мы им заниматься не торопились, потому что Эрмитаж ведь не только про востоковедение, это музей истории культуры, а этнография в историю культуры не входит.

Африканское собирательство же очень этнографично, колониально. При этом мы, например, однажды сделали замечательную большую выставку искусства австралийских аборигенов, и их представители потом всех благодарили и говорили: «Впервые в жизни нашу выставку сделали как выставку искусств». Вот это получилась не этнография, а линия развития искусства. И это очень важно, потому что африканское искусство очень экзотично и допускает массу интерпретаций, в том числе таких, которые Африка считает неправильными, считая, что африканское искусство неправильно понимают. Но то, как они сами его понимают, — тоже доподлинно неизвестно, это первое. А второе — это все ритуальное искусство. Поэтому мы не очень торопились его выставлять, но сейчас приступили к сбору коллекции.

Сначала мы покупали некоторые экземпляры у африканистов, а потом у нас появились петербургские коллекционеры, имеющие бизнес в Африке, они не только сами привозят африканские вещи, но и покупают их по нашему указанию. Вокруг есть много «аэродромных коллекций» (сувениры, приобретаемые в аэро-

21 Есть версия, что турецкая баня в Царском Селе осознанно выстроена как копия мечети в Адрианополе, потому что турки зачастую превращали церкви на завоеванных землях в бани.

22 Д. М. Бондаренко (1968) — член-корр. РАН, д-р ист. н., зам. директора ИВ РАН по научной работе, зав. отделом антропологии Востока ИВ РАН, видный африканист.

портах. — М. П.). С помощью меценатов мы собрали четыре зала качественного африканского искусства, сделали одну большую выставку про маски. Очень постепенно, но будем и дальше покупать.

Сейчас с приобретением вещей некоторые сложности. Легко, когда у тебя есть меценаты и консультанты-специалисты, способные выбрать на аукционе и попросить купить что-то конкретное. Но у нас уже есть несколько залов, построенных по географическому принципу, и один зал, который наши молодые африканисты оформили как художественную выставку. Помоему, выставка получилась хорошей, но с вызовом, как сейчас европейцы делают.

Это целая серьезная дискуссия: во-первых, украли — не украли; а во-вторых, понимают — не понимают. Мы-то все гордимся африканскими мотивами Пикассо, Матисса, Дерена, но нынешняя тенденция деколонизации, такой деколонизационный дискурс утверждает, что это не «понимание», а лишь искажение и трансформация в «экзотику». Тут надо спорить.

Можно объяснить через опыт Советского Союза: когда свершилась революция, мы объявили, что царская Россия была ужасной тюрьмой народов, всех угнетала, и надо это исправлять. Но как исправлять — падать на колени и обливать красной краской статую Вольтера? Советский подход был таков: народы, поработанные царизмом, великие, нужно возвеличивать их искусство. И началось: Фирдоуси, «Шахнаме», Шота Руставели, Давид Сасунский... Попутно китайскую литературу стали переводить, издавать и возвышать, ведь это великая культура. Метод сработал, породив множество наций Средней Азии именно через советскую культурную политику, через правильный подход, возвеличивающий, а не уничтожающий — когда просто объявляется, что был плохой колонизатор, и дело с концом. Слово «колонизация» тоже ведь придумали колонизаторы, оно некорректно отражает ситуацию...

Так что мы делаем подобные выставки осторожно. Сейчас существует еще один большой

проект, но не у нас: мы участвуем в нем как бы для благословения. Речь о создании в Петербурге Института археологии и Института истории материальной культуры, подготовивших проект электронной базы данных всех африканских памятников. Подобное было сделано в Пальмире, к реставрации триумфальной арки, но до реализации не дошло, хотя было сделано полное обследование Пальмиры и всех христианских памятников Сирии, каждый камень описан и внесен в базу данных.

Ты подаешь бумагу в ЮНЕСКО о работе на памятнике мирового значения, и пожалуйста — реставрируй, у тебя есть материал. При необходимости в компьютере можно все восстановить: вдруг памятник, не дай бог, разрушили — а у тебя все зафиксировано. Сейчас существует аналогичный проект для Африки, на него уже собраны деньги, и им уже заинтересовались много африканских стран, мы и в ЮНЕСКО обратились с предложением такое сделать. На такой проект нужны не такие большие деньги, но при этом есть опыт и возможность создать полный свод, который можно передать всем — коллеги уже ездили в Эфиопию, в Мали, в другие страны, и начинают там работать.

Вот тут должны быть методологические подходы и исследовательская оптика «наша», востоковедная: у нас к этому немного другое отношение. Например, как мы воспринимаем иконы — как искусство или нет? Для нас это искусство, мы можем воспринимать их только как памятники культуры. А для кого-то еще это этнографические памятники — и это я уже не люблю, так как люди часто считают их чем-то экзотичным, необыкновенным, а ничего необыкновенного тут нет: мы, востоковеды, все это уже видели, это часть мировой культуры.

Сейчас в Африке создаются новые музеи. У нас позавчера прошло большое музейное совещание о критериях музейной работы, и одна из коллег начала рассказ о международном опыте в Замбии. Все безумно обиделись: «С какой стати мы должны ориентироваться на Замбию? Надо ориентироваться на Лувр!». А на самом деле уже

сейчас в Азии и Африке возникли музеи нового типа: Египетский музей в Каире, многие другие музеи в Африке, музеи в Китае, которые строятся по другому типу. Это уже новый этап музейного освоения, когда люди, пережив некое унижение, осваивают свою культуру; там практикуются новые подходы в смысле музеологии, и на них тоже надо посмотреть и изучить этот опыт.

Вообще, с Африкой много вопросов. Например, собрались возвращать Бенинские бронзы, а куда? Вдруг оказывается, что они поедут в царскую семью, которая ими владела. Тогда в Америке люди подают в суд и говорят: «С какой стати?». Одна женщина заявила: «Я потомок тех самых бенинцев, которых привезли рабами в Америку, но в Америку рабов продавали правители Бенина и получали за это бронзу, из которой делали эти скульптуры. Так вот, я хочу в Америке смотреть бронзу, которая является моим культурным наследием». Очень хороший поворот! Правда, суд она не выиграла, но тенденция хорошая.

Здесь очень много интересных сюжетов, их надо знать и действовать осторожно. Самый надежный способ составлять коллекцию — это покупать из хороших старых коллекций. Кстати, многие африканские вещи были куплены нами на аукционах из хороших музеев. Это вещи с хорошим провенансом.

О ВОСТОКОВЕДЕНИИ КАК СОВРЕМЕННОМ МИССИОНЕРСТВЕ

— Д. Д.: Очень интересно об Африке, но позволю себе немного переменить тему. Михаил Борисович, ведь наш директор Аликбер Калабекович Аликберов²³ ваш ученик?

— М. П.: В первую очередь он ученик Станислава Михайловича Прозорова²⁴.

— Д. Д.: Он вас считает своим учителем и очень тепло говорит о вас; нам было бы интересно и приятно, если бы вы в завершение интервью сказали и о нем два слова.

— М. П.: Научным руководителем Аликбера Калабековича был Стас Прозоров, потому что А. К. как раз занимался суфизмом, а Стас — большой специалист по шиизму и суфизму, по суфийским текстам. Это сложная история с толкованием ислама, много спорных вопросов: носители языка или не носители; носители исламской культуры или нет; каким образом должно происходить изучение; с какой стати мусульманин должен учиться у немусульманина... Проблемы иногда всплывают. Некогда наш маленький справочник по исламу²⁵ стал учебником ислама для людей, которые приходили к исламу или возвращались к нему — ничего другого не было.

Так что в первую очередь отмечу, что А. К. — хороший, тщательный ученик, и Стас Прозоров такой же дотошный, ведь это великое и очень трудное дело — читать тексты. Нужно каждую вещь знать в деталях, текст ты должен расписать по словам, по буквочкам, тогда только поймешь его. И вот он этим занимался, как и подобает настоящему арабисту, а мы теперь тихо гордимся, что представитель петербургской школы арабистики возглавляет Институт востоковедения в Москве.

На самом деле А. К. тоже символ этого периода. Меня тут при обсуждении книги спрашивали про конкуренцию и соперничество, разницу между петербургской школой и московской школой. Эта конкуренция, конечно, была,

23 Аликбер Калабекович Аликберов (род. 1964) — российский востоковед, исламовед, д-р ист. н., директор Института востоковедения РАН.

24 Станислав Михайлович Прозоров (род. 1938) — советский и российский историк, арабист, исламовед, специалист по историографии и источниковедению раннего и средневекового ислама, канд. ист. н.

25 Имеется в виду фундаментальный академический труд «Ислам: Энциклопедический словарь» (1991 г.), одним из составителей и авторов которого является М. Б. Пиотровский. Это эталонный справочник, содержащий наиболее точную информацию об истории, понятиях и деятелях ислама. Это первый академический словарь по исламу, созданный отечественными востоковедами, содержащий ок. 600 статей, в которых разобраны ключевые термины, богословско-правовые школы, суфийские общины и персоналии.

связанная с тем, что столица отсюда уехала. Тут оставалось заниматься только академической наукой, а в Москве наоборот — столица, куча дел. Поэтому там люди больше занимались практикой, этого было достаточно для науки, а здесь осталась более академичная традиция. Но потом пришло время, и наше поколение — я, Александр Куделин²⁶, Виталий Наумкин, Дмитрий Фролов²⁷... — все мы еще были молодые, и вот мы, петербургские, с московскими коллегами вместе все переводили, работали вместе на всех практических делах, и в Йемене в экспедиции (а до экспедиции там в партийной школе преподавали), и на всех конгрессах были вместе.

С другой стороны, у этого московского поколения уже тоже был интерес к академической науке. Если говорить о литературе, то, например, Александр Куделин занимался ею с такой же тщательностью, как, допустим, Крачковский²⁸, Долинина²⁹, и Виталий Наумкин тоже изучал вполне по-петербургски. Расхождение было скорее в практической ситуации, стоял вопрос о том, что можно совмещать. А можно отлично совмещать и знание практического языка — быть одновременно синхронистом — и писать статьи про богословские трактаты. Вполне нормально, так и должно быть: арабист должен быть готов практически ко всякой деятельности, должен понимать политику, знать, что творится. Наше поколение сняло это противостояние. Не знаю, может, оно еще когда-нибудь и возникнет, но сейчас его нет. Совершенно все выпускники Востфака отлично живут в современном мире. Все московские студенты вполне хорошо знают академический арабский язык, литературу и древность. Кстати говоря, очень помогла наша

йеменская экспедиция: там была треть москвичей и две трети петербуржцев, и каждый приехал со своими темами, направлениями. Сергей Серебров³⁰, например, занимался политикой, социологией — тут страшно подойти! — и сейчас продолжает этим заниматься. Произошло эдакое схождение, и это понятие — «русская арабистика», «русская востоковедение» — в этом схождении выразилось. Это демонстрирует наличие правильных корней.

У меня сейчас спрашивают: «Как отличаются востоковедение древнее, русское, советское и постсоветское?» — а оно одно. Конечно, всегда было различие трех линий: одна линия чисто академическая, вторая чисто практическая, а третья линия — миссионерская (в советское время она стала атеистической). И эти линии всегда были, существовали всегда отдельно, но при этом составляли то, что у настоящих востоковедов сливается вместе. Мы занимались древностью, практически все мы говорили по-арабски, но еще мы всегда были носителями этого советского, русского флага на Востоке. Доказывали, что мы великая страна. Это тоже всегда было частью работы востоковеда — ты представляешь свою страну.

— Н. С.: Аликбер Калабекович просил вас спросить, какие у вас есть предложения, как вы видите возможность и перспективы развития научного совета по комплексным вопросам РАН?

— МП: Я думаю, что мы должны сохранять слово «востоковедение» во всех заголовках и постоянно показывать то, о чем мы с вами говорили: востоковедение есть замечательная, современная, комплексная наука, которая объединяет в себе разные гуманитарные направления и вы-

26 Александр Борисович Куделин (1944) — советский и российский востоковед, специалист по истории арабской литературы и литератур Востока в целом, д-р филол. н., академик РАН.

27 Дмитрий Владимирович Фролов (род. 1946) — советский и российский арабист, специалист по истории арабской литературы, корановедению, д-р филол. н.

28 Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) — русский и советский востоковед-арабист, академик, один из создателей школы советской арабистики, член Императорского православного палестинского общества, автор первого издания «Энциклопедии ислама».

29 Анна Аркадьевна Долинина (1923–2017) — советский и российский востоковед-арабист, литературовед, переводчица, д-р филол. н.

30 Сергей Николаевич Серебров (1959) — канд. эк. н., с. н. с. центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

деляет в этих гуманитарных науках их прелесть, их особое достоинство, при этом обязательно оставаясь на базе филологии и знания языка. Без этого знания — все, кто не знает язык и изучают страну, профнепригодны.

— Д. Д.: В какой-то момент, по-моему, открывая съезд «Актуальные проблемы теории истории искусства» [Актуальные проблемы... 2024], вы упомянули об идее создания некоего органа, который занимался бы изучением искусства и Востока. Это для меня очень актуально: я возглавляю магистратуру, которая пытается соединить с одной стороны искусствоведение³¹ и культурологию, а с другой стороны — востоковедение. И у нас как будто нет институции, которая эти направления объединяла бы.

— МП: А насколько их нужно объединять? Я читаю курс «Исламское искусство» у нас в СПбГУ и в Европейском университете³², и у нас я его читаю востоковедам-арабистам, а в Европейском университете — искусствоведам, и это почти один и тот же курс. Тут все равно, специалист по искусству региона должен иметь филологическое образование, надо знать арабский язык. Это не очень получается, и не все эту идею разделяют. Может, не так все и сложно с политикой, может, искусствоведам надо просто изучать восточное искусство, но все равно нужно быть *востоковедам*. Начинается вечный спор: кто лучше видит в глубь, просто изучающий всемирное искусство человек или востоковед? Мне-то хорошо — я в Эрмитаже, я все изнутри знаю. Но при этом я смотрю и с точки зрения мирового искусства, и, может, как раз музей и соединяет эти ракурсы. Музеи бывают разные, а Эрмитаж — особый, универсальный музей, где разные культуры представлены вместе, и они, с одной стороны, разделены, но при этом это все — единое мировое культурное пространство, и мы пытаемся его таковым представить.

— Д. Д.: Ваши сотрудники в основном выпускники востфака СПбГУ?

— М. П.: Да. Например, глава отдела Востока Эрмитажа — шумеролог³³. Не все сотрудники чистые искусствоведы, но они востоковеды со знанием языка. Это значит, что у них есть фундамент, а об искусстве они могут узнать потом. Язык следует учить как можно раньше, а все остальное можно выучить и потом.

А язык надо учить!

— Д. Д., Н. С.: Уважаемый Михаил Борисович, огромное спасибо за беседу! Будем надеяться на ее продолжение!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Актуальные проблемы теории истории искусства. Программа конференции, 2024 [Current Issues in the Theory of Art History. Conference Program, 2024 (in Rus.)]. <https://actual-art.spbu.ru/o-konferentsii/arkhiv/2024/programma.html> (accessed 07.04.26).

Грязневич П. А. *В поисках затерянных городов*. М.: Наука, 1978. 346 с. [Gryaznevich P. A. *In Search of Lost Cities*. Moscow: Nauka, 1978. 346 p. (in Rus.)].

Институт востоковедения РАН прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт.-сост. Д. В. Дубровская. М.: ИВ РАН, Наука, 2018. 334 с. [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Past and Present. On the 200th Anniversary of Its Founding. Author, comp. D. V. Dubrovskaya. Moscow: IOS RAS, Nauka, 2018. 334 p.].

Открытие выставки «Я воздвиг там мой царский дворец...», 2019 [‘I Erected My Royal Palace There...’ 2019. (in Rus.)]. <https://support.hermitagemuseum.org/ru/news/view/143> (accessed 07.04.26).

Пиотровский М. Б. *Мой Эрмитаж*. СПб.: Арка, 2023. 381 с. [Piotrovsky M. B. *My Hermitage*. St. Petersburg: Arka, 2023. 381 p. (in Rus.)].

Пиотровский М. Б. *Искусство ислама в России*. СПб.: ГЭ; Славия, 2022. 436 с. [Piotrovsky M. B. *Islamic Art in Russia*. St. Petersburg: GE; Slavia, 2022. 436 p. (in Rus.)].

31 См.: [Пиотровский, 2002; 2022].

32 О Европейском университете в Санкт-Петербурге см.: <https://eusp.org/people/piotrovsky>.

33 Наталья Викторовна Козлова — зав. отделом Востока Государственного Эрмитажа.

sky M. B. *The Art of Islam in Russia*. St. Petersburg: Arka, 2022. 436 p. (in Rus.).

Пиотровский М. Б. *Исторические предания Корана*. СПб.: Славия, 2005. 160 с. [Piotrovsky M. B. *Historical Traditions of the Quran*. St. Petersburg: Slavia, 2005. 160 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б. *Коранические сказания*. М.: Наука, 1991. 219 с. [Piotrovsky M. B. *Traditions of the Quran*. Moscow: Nauka, 1991. 219 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б. *О мусульманском искусстве*. СПб.: ГЭ; Славия, 2002. 148 с. [Piotrovsky M. B. *On Muslim Art*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., Slavia, 2002. 148 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б. *Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле*. М.: Наука, 1977. 160 с. [Piotrovsky M. B. *The Legend of the Himyarite King Asad al-Kamil*. Moscow: Nauka, 1997. 160 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б. *Южная Аравия в раннее Средневековье*. М.: Наука, 1985. с. [Piotrovsky M. B. *South Arabia in Early Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1985. 208 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б. *Я — арабист*. М.: Слово, 2026. 208 с. [Piotrovsky M. B. *I Am an Arabist*. Moscow: Slovo, 2026. 208 p. (in Rus.).]

Пиотровский М. Б., Норман Д. *Культура как скандал. Из истории Эрмитажа*. М.: Слово,

2024. 264 с. [Piotrovsky M. B., Norman D. *Culture as a Scandal: From the History of the Hermitage*. Moscow: Slovo, 2024. 264 p. (in Rus.).]

Седов А. В., Стародубцева М. В. Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 21–38 [Sedov A. V., Starodubtseva M. V. Alexander Sedov: “We Tell People about Their Culture”. *Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 21–38 (in Rus.).]

Смотрителям Государственного Эрмитажа выдали новую форму. *News mail.ru*. 21.06.25 [Caretakers of State Hermitage Museum Have Been Issued New Uniforms. *News mail.ru*. 21.06.25 (in Rus.).] <https://news.mail.ru/society/67534148/>.

Южная Аравия: Памятники древней истории и культуры. Вып. II. Ч. 1. Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 521 с. [South Arabia: Monuments of Ancient History and Culture. Iss. II. Pt. 1. Historical and Archaeological Monuments of Ancient and Medieval Yemen. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1994. 521 p. (in Rus.).]

Fallaci O. *Inshallah*. New York: Nan A. Talese, Doubleday, 1992. 616 p.

Corpus of Soqotri Oral Literature. Vol. 1. Gen. ed. V. V. Naumkin. Ed. by L. Kogan. Leiden: Brill. 2014, 749 p.

